

© 2005 г. А. В. ЛУШНИКОВА

**КАЛЕНДАРИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙ КАРТИНЫ МИРА**

Статья посвящена актуальной и малоизученной теме – возникновению представлений о счете времени в Северной Евразии и Сибири.

До сих пор этнографический и лингвистический народные календари анализировались в контексте отражения явлений природы (сезонные изменения окружающей флоры и фауны, перемены погодно-климатических условий, циклы Луны и Солнца) и производственно-хозяйственной деятельности населения.

В настоящей статье древние календари (в частности, охотничье-промысловые календари Северной Евразии и Сибири) и символизм созвездий впервые рассматриваются в системе мировоззренческих представлений, как своеобразно закодированная картина Мира, обусловленная хозяйственно-бытовой жизнью древнего населения и наблюдениями за живой природой, годовым движением Солнца, движением Луны, расположением звезд. Календарь понимается как воплощение пространственно-временной модели Универсума, имеющей определенную логику соотношения структурных элементов.

Являясь системой счисления времени, календарь, выступает как один из способов освоения окружающего мира – структурирования пространства, познания природных явлений, осознания человеком своего места в системе мироустройства. Календарь связан с представлениями о Хаосе и Космосе, о земле, небе, звездах, человеческой жизни. Он представляет собой круг отрезков времени – дней, месяцев, сезонов, слагающих год, в течение которого Солнце совершает кругооборот на фоне определенных звезд и созвездий.

Специальных работ по календарям народов Сибири немного. Имеющиеся публикации [Макаренко 1913; Дульзон 1950; Орлова 1966; Славнин 1972; Кузнецова 1976; Кузьмина 1977; Мазин 1986 и др.] касаются отдельных языков или языковых групп, содержание их сводится, в основном, к констатации названий месяцев и сезонов в связи с отражением сезонно-хозяйственных и природных явлений, а также к перечислению звездных наименований, иногда приводятся этимологические замечания и сравнительно-типологические сопоставления. Среди немногочисленных работ обобщающего характера, посвященных собственно календарному счету времени в Северной Евразии и Сибири, следует отметить статьи Т.И. Петровой (1937), В.И. Васильева, А.В. Головнева (1980); Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк, З.П. Соколовой (1993). Материалы, отражающие названия месяцев, содержатся также в словарях, в статьях и монографических исследованиях на этнографические и языковые темы. Наиболее значимыми среди них являются по коми [Сидоров, Лыткин 1966; Конаков 1987; 1990а, б]; по обско-угорским народам [Steinitz 1966; Соколова 1966; 1988]; по самодийцам [Попов 1944; 1948; Герещенко 1965; Пелих 1972; Кузнецова 1976; Кузьмина 1977; Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980; Третьяков 1869; Сорокина, Болина 2001]; по тунгусо-маньчжурским народам: (эвенки) [Кривошапкин 1865; Титов 1926]; (эвены) [Попова 1981; РЭС 1948] (нанайцы) [Оненко 1980]; (орочи) [Леонтович 1896; Ларькин 1964; ТМС 1975; 1977]; по палеоазиатским народностям: (чукчи) [Богораз 1937; Кузнецова 1957]; (эскимосы) [Меновщиков 1954; Рубцова 1971]; (кеты) [Алексеенко 1967]; (нивхи) [Шренк 1903; Крейнович 1973; Савельева, Таксами 1970; Смоляк 1989]; по тюркским народам Сибири [Вербицкий 1884; Катанов 1897; Дульзон 1950; Вайнштейн 1961].

Народные календари (охотничье-промысловые, пастушеско-скотоводческие, аграрно-земледельческие) несут информацию о погодно-климатических условиях, а также отражают конкретный уклад хозяйственной жизни их создателей. Считающиеся наиболее архаичными промысловые календари до сих пор не утратили своего значения у народностей севера Евразии и Сибири, в силу сохранения традиционных способов ведения хозяйства, основанных на охоте и рыболовстве. В календарях этих народов названия периодов года отражают сезонные изменения в природе и жизни промысловых животных с учетом наблюдений за Солнцем, Луной, положением определенных звезд и созвездий. Месяцы нередко имеют несколько наименований и разную продолжительность, маркируя сезонные явления, неравные по длительности или приходящиеся приблизительно на один и тот же период.

Архаичным представляется **деление года на два сезона** – зимний и летний, при промежуточном положении весны и осени. Эта традиция выявляется в календарной обрядности народов Западной Европы [Календарные обычаи 1977: 3–4, 139, 190, 274, 314; 1983: 24]. Есть все основания полагать, что данный бинарный код еще более древен и универсален, о чем свидетельствуют народные календари Сибири и Дальнего Востока [Конаков 1990а: 13]. У тунгусских племен зима и лето были основными подразделениями года, каждое из которых считалось за самостоятельную единицу [Петрова 1937: 106]. У народов Нижнего Амура и Сахалина год делился на два почти равных по длительности полугодия – зимнее и летнее, отсчет начинался со времени установления охоты на пушных зверей и окончания гона у лосей–олений [Симченко и др. 1993: 216, 252].

Осень – начало зимы и годового отсчета. На севере Евразии и в Сибири наступление зимы связывалось с осенним временем (с месяцем “октябрь–ноябрь” или “сентябрь”), которое обычно принималось за начало года. С сентября (месяца *siruzan* “период спаривания оленей–лосей”) начинался год у ряда тунгусских народностей [Петрова 1937: 80–104]. О связи начала года с осенью у коми и других уральских народов свидетельствует объединение в одном термине понятий “года”, “осени”, “охоты” (коми *ap* “осень, год (о возрасте)”, (удорск. д-т) *apõc* “осенняя охота”; удм. *ap* “год”, манс. *âarem* “время” и т.д.) [КЭСКЯ 1970], что объясняется ведущей ролью охотничьего промысла в жизни древнего населения и важностью осеннего сезона в нем.

Лось (олень) – основа исчисления годового цикла. Выделение в народных календарях периода с сентября по май связано с традицией сопоставлять годовой цикл с наблюдением за жизнью основного промыслового животного – оленя (лося) и считать за зимний период время от тетки до отела важенок. У нганасан год подразделялся на летний период из четырех месяцев и зимний – из восьми. Зимний сезон открывался “месяцем сохатого” (вторая половина сентября – первая половина октября) и связывался с началом брачного периода лосей и оленей. С рождением телят заканчивалась зима (*сюондяку-тодю-китеда* “первых телят время”, вторая половина апреля – первая половина мая) и наступало лето [Попов 1948: 16; Симченко и др. 1993: 205, 206].

Как показывает изучение археологических находок Сибири и европейского Севера России, выявляющих календарный характер, наблюдение за жизнью диких копытных составляло основу исчисления годового цикла для древних охотников эпохи палеолита. По результатам Б.А. Фролова, ок. 20 тыс. лет назад представители мальтийской культуры (о. Байкал) делили год на три части (подобно современным народностям Севера – нганасанам, эскимосам, чукчам), из которых две трети года – зима, или срок беременности самки северного оленя (243 дня); одна треть – лето (122 дня) [Фролов 2002: 62].

Промысловый календарь древних коми и бинарная оппозиция сезонов

Промысловый календарь древних коми представляет собой плоское бронзовое кольцо (толщиной 2 мм, диаметром внутренней окружности 50 мм, внешней – 90 мм) с девятью зооморфными фигурками по кругу лицевой стороны (найдено во время археологических раскопок в 1975 году на берегу р. Вычегды). Дешифровка, проведенная

Н.Д. Конаковым [Конаков 1987; 1990а], показала, что животные, принадлежащие к местной, северной фауне, маркируют 9 неравных по продолжительности периодов года в соответствии с их биологическими циклами и сезонным промыслом: медведь (22.03.–27.04.), северный олень (28.04.–02.06.), горностай (03.06.–04.07.), россомаха (05.07.–09.08.), лось (10.08.–04.11.), выдра (05.11.–19.12), лисица (20.12.–24.01.), белка (25.01.–21.02.), куница (22.02.–21.03). Само бронзовое кольцо датируется рубежом I–II тыс. н. э., однако семантика изображений имеет более глубокий по времени характер.

В календаре древних коми выделяются период Медведя и период Лося (лосихи), которые соответственно включают весеннее и осеннее равноденствия. По Н.Д. Конакову [Конаков 1990а; 1990б], медведь выступал в качестве символа весенне-летнего сезона, связанного с воспроизводством природы, лось – осенне-зимнего, связанного с охотой. Отмечая универсальный характер данных образов для древней календарной символики, Н.Д. Конаков основывает свои обобщения на фактах обрядовой практики, приуроченной к рубежу сезонов.

Однако, несмотря на тот факт, что жизнь медведя распадается на два главных периода – активную деятельность в течение ранней весны, лета и осени и долгий срок бездействия, зимнего покоя в берлоге [Огнев 1931: 43], а переход его из одного состояния в другое мог служить знаком наступления весны или прихода зимы, образ этого животного вряд ли был способен воплотиться в обобщающий символ весенне-летнего сезона в силу следующих наблюдений и соображений: 1) Обрядовые праздники ряженья (в медведя, волка) у индоевропейцев, а также “медвежьи праздники” Урало-сибирских народов не столько были приурочены к весеннему равноденствию, сколько распространялись на все зимнее время с конца декабря; 2) У народов Евразии и Сибири “медвежьи” названия месяцев встречаются нечасто; 3) Специфика биологических ритмов таких крупных хищников, как медведь и волк, являющихся основными противниками лосей–олений, и увязанная с ней соответствующая семантика их образов и обрядовых действий, соотносит эти персонажи с периодом зимы, с мифологической областью нижнего мира, наделяя их функцией посредника в мировоззрении народов Евразии; 4) Начало весенне-летнего сезона для древних охотников и скотоводов Евразии выходило за рамки весеннего равноденствия и календарно связывалось с апрелем–маем, о чем свидетельствуют смысл обозначений периодов года и астрономические ориентиры археологических памятников.

Бинарная оппозиция сезонов в архаичной календарной символике скорее выражалась не через семантику противопоставлений медведь (весна–лето) – лось (осень–зима), а через логику наименований, близкую к той, которая, присутствует, например, в календаре эвенков или вепсов. У эвенков с мая по октябрь считался олений период, с октября по май – охотничий [Мазин 1986: 120–125]. У вепсов от Егорьева или Николаина (9/22 мая) дня продолжался сезон *paimenan aig*, букв. “пастушеское время”, а с Покрова начинался сезон *veraz aig*, букв. “чужое время” [Винокурова 1988: 8]. Мы имеем в виду, что соотношение зимы и лета, включенное в древнюю мировоззренческую картину мира, раскрывалось соответственно через оппозицию образов жертвователя и жертвы, охотника и его добычи, понятий смерти и бессмертия, выраженную зооморфно в древней календарной системе через противопоставление хищных животных (хищных птиц) копытным или функционально подобным образам (водоплавающие птицы). Этот же смысл оппозиции у народов Евразии распространяется на звездные наименования, выявляется в противопоставлении нижней и верхней частей годового пути Солнца, присутствует в Урало-сибирских сюжетах о космической охоте [Лушников 2003].

Обозначения периодов года в календарях народов Северной Евразии и Сибири. В прошлом территория Северной Евразии входила в зону расселения палеолитических охотников, для которых дикий олень был главным объектом промысла и условием существования [Симченко 1976]. Так как олень и лось определяли устойчивость существования древнего населения, в названии календарных месяцев отразились характер-

ные явления их жизни: обдирание рогов, спаривание, отел, сезонные охота и жертвоприношения.

Осень – период гона и брачного сезона лосей и оленей. Это время связано с охотой на диких копытных и древними обычаями их жертвоприношения.

Уральские языки. В саамском (диал.) период октября именуется *Колге* (*Golgok, Gologoder* “изнуряться от соития (об оленях)”) [Островский 1888: 4–5]. У коми к октябрю относится название *ерым*, которое, по мнению Н.Д. Конакова, происходит от слова *йёра* “лось” [Конаков 1996: 16] (В.И. Лыткин возводит к *йыр* “холод, замерзание” [Сидоров, Лыткин 1966]). В промысловом календаре древних коми осень (август – начало ноября) символизирована образом лосихи [Конаков 1987; 1990а, б]. В хантыйском (ва-сюган.) среди обозначений осеннего периода находим *п’оур-хан’э-ики* “охоты на лося месяц” [Steinitz 1966: 35–36]. В ненецком время, приблизительно соответствующее октябрю, называется: *хор* “прию” “месяц самцов-оленей” [Терещенко 1965: 147, 771]. Период со второй половины сентября до первой половины октября нганасаны именуют “месяцем сохатого” *кау китеда* [Попов 1948: 16] или *кау кичеда* (по записям Ю.Б. Симченко) и связывают с гоним лосей и охотой на диких оленей. Период *та-кичеда* “домашних оленей время” (вторая половина октября – первая половина ноября) совпадает с гоним домашних оленей; *баби-кичеда* “диких оленей время” (вторая половина ноября – первая половина декабря) связывается с гоним у диких оленей [Симченко и др. 1993: 205]. В энецком названия *кора дири* “месяц оленя-самца” и *кезер кора дири* “месяц гона диких оленей” соответствуют октябрю [Сорокина, Болина 2001: 51, 57]. В календаре тазовских селькупов термином *хорыль ира* (букв. “месяц самца-оленя”) обозначен сентябрь [Третьяков 1869: 290].

Тунгусо-маньчжурские языки. В эвенкийском языке известно сезонное обозначение лося–оленя: *ира* “лось в октябре” [РЭС 1948: 138]; *ирэ ~ ирүн ~ ирүчэн ~ (h)иро ~ иирэ* “дикий олень, лось (осеннее название)” [ТМС I: 328]; осенний период называется следующим образом: август–сентябрь – *иркилэхэни* “ранняя осень, период обдирания рогов”, *иркин* “период обдирания оленями кожицы с рогов (сентябрь); дикий олень (ранней осенью)” [ЭРС 1956: 178; Петрова 1937: 85]; *иркин бэйг’ан* “начинает обдираться шкура с рогов оленя”, август [Симченко и др. 1993: 218–219]; сентябрь–октябрь – *сигизан ~ иигизан* “период спаривания оленей-лосей” (от эвенк. *сирү ~ сурү ~ герү ~ иирү ~ ширү* “олень-самец”) [Петрова 1937: 85; ТМС II: 96]. В эвенском сентябрь называют *ор’ён б’эур’ён* или *ор’ён батнал’һ б’эур’ён*, что дословно означает “месяц домашнего оленя, месяц спаривания домашних оленей” (при эвен. *ор’ён ~ оран ~ орон*, эвенк. *орон ~ хорон* “олень (домашний)”) [ТМС II: 24–25], а также у эвенов Магаданской области известно сезонное обозначение *энтивч’ёк* “время спаривания оленей” (приблизительно сентябрь – начало октября) [Попова 1981: 60–62]. Ороцкий *без гикку* “месяц лосиной течки”, “сентябрь” [Ларькин 1964: 110]; *седды гуени* “гон сохатых”, “сентябрь” [Симченко и др. 1993: 217]. Орокский (о. Сахалин) *нуч сирокку бени* и *даи сирокку бени* “малый и большой месяц гона оленей”, (примерно август – сентябрь) [Симченко и др. 1993: 218].

Палеоазиатские языки. В чукотском языке отмечают следующие названия осеннего периода: *пес-илген* “месяц сбрасывания оленьих рогов” (прибл. август), *гыга-эльг’ён* “осенний месяц” или *ьлв’эж’нэ-илг’ён* “месяц течки диких оленей” (с начала сентября до начала октября) [Богораз 1937: 63]. В эскимосском осенний период имеет обозначения: *тук’утивик* “время убоя оленей” (прибл. август) [Меновщиков 1954: 130]; *тунтум қалыйьвиг’а* букв. “крик дикого оленя” (прибл. октябрь) [Рубцова 1971: 510], ср. *к’алг’иг’вик* “время крика, время течки (у животных)”, *к’алг’их’та* “олений бык; кричащий зверь” [Меновщиков 1954: 68].

Тюркские языки Сибири. У шорцев сентябрь называется *куран сыбырыжын* “гон косули”, октябрь – *сыгын сыбырыжын* “гон маралов” [Симченко и др. 1993: 250], у алтайцев сентябрь именуется *сыгын-ай*, *ораг-ай* “промышлять маралов и пролагать тропу к пашням для жнива месяц” [Вербицкий 1884: 42; Симченко и др. 1993: 250], у тувинцев-тоджинцев *хулбус айы* “косули месяц” (сентябрь) [Вайнштейн 1961: 66, 68].

Индоевропейские языки. В русском народном календаре август называется *зарев*, сентябрь – *ревун* (от глагола *реветь*, *зареветь*; и.-е. **reu-*, **ru-* “реветь” [IEW 1959: 867–868]), слав. *рюень* “сентябрь” (период рева, течки оленей или лосей) [Даль II: 370, IV: 89]; болгар (южн.) *Rùven* – “сентябрь”; в осетинском народном календаре сентябрь именуется *рухæну/рухæни* “месяц рева оленей” от глагола *рухун/рухун* “реветь”; и.-е. **reuk-* “реветь” одно из сохранившихся древних, дохристианских названий месяцев у осетин [Абаев 1970: 4]. В качестве семантической параллели к осетинскому В.И. Абаев приводит абхазское *с_оæббра-мза* “месяц рева быков” (сентябрь) [Абаев 1995: 21]. В древнеиндийском календаре месяц сентябрь–октябрь именуется *āśvinā-* т. или *āśvayujā-* т. (от др.-инд. *āśva-* т. “конь”) [Turner 1966: 41, 66], с которым соотносят по времени проведения римский ритуал жертвоприношения коня – *Equus October* [Иванов 1974: 107]. Название древнеиндийского месяца, очевидно, отражает более ранний культ лося–олenea (ср. например, рогатые кони Пушана *ajāśva* (РВ VI 55, 3) изображения рогатых коней в славянском, финно-угорском, скифском искусстве; синкретизм в обозначении и семантике образов рогатых копытных и лошади) [Лушникова 2001]. В связи с этим следует заметить, что у тюркоязычных народов Западной Сибири наиболее распространенным названием периода, приблизительно соответствующего сентябрю, является *ярыш*. Оно отмечено у чулымских татар (*ярыш*), алтайцев (*дыарыс ай*), шорцев (*ярыш ай* или *чарыш ай*), в абаканских наречиях (*ярыш ай*, *ярыс ай*) [Вербицкий 1884: 6; Дульзон 1950: 62]. В алтайских и абаканских наречиях название связывается со словом *ярыш* “конская скачка, бег”, а его появление, следовательно, – с условиями жизни кочевников-скотоводов, как считает А.П. Дульзон (у чулымских татар при сохранении самого слова значение его переосмыслено в “осеннюю светлую луну” и соотнесено с *яры* “сиять, блестеть, быть светлым” в силу иных материальных и природных условий существования) [Дульзон 1950: 62]. (По другой этимологии *ярыш* – “половина”, связано с тюрк. *яр-* “резать, рубить” [ЭСЯ 1985].)

В календарях почти всех без исключения народов Нижнего Амура присутствует название “месяц петьель” как обозначение периода, соответствующего октябрю–ноябрю. С этого времени ведется годовой отсчет, отмеченный следующими событиями: завершился период гона сохатых и открывался сезон охоты на пушных зверей, в частности, путем установки ловушек на соболя, шкурка которого созревала к этому сроку [Симченко и др. 1993: 216, 217, 252].

Зимнее время, по данным древних культур, соотносится с наиболее важными ритуалами жертвоприношений, которые воспроизводили первоначальный акт творения Вселенной и совершались во имя возрождения жизни. Ср., например, др.-инд. *dākṣāy-anā-* “жертвоприношение” (особенно в период зимнего солнцестояния) [Кочергина 1978: 264]. У лопарей, по сообщению Д.Н. Островского, период, соответствующий декабрю, называется *Паз* (*Basse*), что ранее означало “место жертвоприношений, святилище”, а теперь имеет значение “готовить мясо в пищу”, так как в это время закалывают оленей и едят мясо всласть [Островский 1888: 4–5]. У хантов (трюмьганских) период, приблизительно соответствующий январю, называется *aj jir kōy* “малые жертвоприношения”, октябрь – *ənəl jir kōy* “большие жертвоприношения”. У коряков зимний забой оленей в первой декаде декабря был следующим за осенним календарным праздником. В период с 22 декабря по 13 января коряки отмечали “праздник возвращения Солнца” [Симченко и др. 1993: 230–231]. В декабре–январе оленные чукчи проводили *тэнатрытвангыргын* “праздник зимнего забоя оленей” [Кузнецова 1957: 263–326].

Следует заметить, что образным представлением созвездия Орион, которое можно наблюдать на северном небе зимней ночью, нередко выступает расчлененное жертвенное животное, что, по-видимому, свидетельствует о связи этого созвездия в мифологическом сознании с космической драмой великого жертвоприношения во имя сотворения и возрождения жизни: кетск. *sel'd* “голова оленя”, “созвездие Орион” [Анучин 1914]; звенк. *оглэткин* букв. “нога лося” и *токи дууки* букв. “лосиный вертук” являются наименованиями созвездия Орион [Титов 1926: 110, 142]. По наиболее древ-

нему варианту эвенкийского мифа о космической охоте медведь Манги, настигнув Лося, объедается сохатиной и разбрасывает недоеденные куски по небу (также *токи* (*x*)*алгинин* “лосиные ноги”, “созвездие Большой Медведицы” [Титов 1926: 142].

Др.-инд. *Mrga-sīrṣa-* служит обозначением месяца “ноябрь–декабрь”. Ряд древнеиранских мифов связывают с созвездием Орион. Во время первого жертвоприношения, которое организовал Дакша, Рудра отрубает голову Праджapati, которая возносится на небо, пронзенная стрелой, в виде созвездия *mrga-sīras-* т. “голова антилопы” (Орион) [Tilak 1955; Топоров 1994а; 1994б]. Праджapati считается установителем жертвоприношений, прародителем жрецов и патриархов, от которых пошел род человеческий.

В народном сознании зимний сезон связывался с образом хищника (медведя, волка, собаки, лисы). Обозначения данного времени года в народных календарях отражают биологически важные моменты в жизни этих животных. “Медвежье” название носит период от середины января до середины февраля у хакасов (сагайцев): *азыь аы* “месяц медведя” [Катанов 1897: 237; Симченко и др. 1993: 251]. Тот факт, что период с конца декабря по февраль–март (в зависимости от конкретной природно-климатической зоны) связан с рождением медвежат [Огнев 1931: 49–50], является одной из причин соотношения названия данного времени года с медведем, зафиксированное в народных календарях. У североамериканских индейцев племени омаха период, соответствующий декабрю, называется месяцем, когда рождаются медвежата [Fletcher, La Flesche 1972: 111].

В промысловом календаре древних коми период, включающий зимнее солнцестояние, отмечен образом лисицы [Конаков 1987; 1990а; 1990б]. Кеты называли лисой (*ko:n*) созвездие Орион [Алексеев 1976: 85], наблюдаемое зимой на ночном небе. Орион, надо полагать, отождествлялся не только с жертвенным животным или добычей, но и с самим жертвователем или преследователем, объединяя противостоящие друг другу образы. Здесь можно привести следующие примеры. Др.-инд. Рудра (*Rudrā*), отрубающий голову Праджapati (*Prajāpati*) в уже упомянутом мифе о жертвоприношении Дакши, считается божеством звезды *ārdrā* на правом плече Ориона [Tilak 1955]. В греческой мифологии Орион выступает в образе охотника с помощниками в виде *Canis Minor* и *Canis Major*. В одной из эвенкийских легенд Орион – это охотник, преследующий созвездие *Ursa Major*, которое виделось в образе лося [Василевич 1936: 274–275].

В промысловом календаре древних коми на ноябрь–декабрь приходится месяц выдры (05.11–19.12) [Конаков 1987]. В мифологических представлениях индоевропейцев выдра воспринималась собакой. У древних иранцев выдра относилась к песьей породе [AiW 1961: 387, 1611]. В одном из вариантов ирландской саги о смерти Кухулина собака появляется перед самой кончиной героя в виде выдры, которая в кельтских языках называется “собакой воды” – ирл. *dobor-chu*, валл. *dyfr-gi*. Истекая кровью, Кухулин видит, что выдра пьет его кровь. Далее в повествовании, как замечает В.В. Иванов, слово *dobor-chú* “выдра” заменяется словом *cú* “пес, собака”, входящим в обозначении выдры в качестве второго компонента: “...и когда Кухулин увидел, что собака пьет его кровь, текущую из тела, он нанес собаке такой удар, что она от него подохла” [Иванов 1964: 453–454].

В ряде языков зимние месяцы называются волчьими: чеш. *vlčec*, *vlčí měsíc*, латыш. *vilka mēnesis* “декабрь”, букв. “волчий месяц”; нем. *wolfsmonat*, *wolfsmon* “ноябрь, декабрь, январь” [Grimm 1913: 1273–1274]; греч. *λυκάβας* “годовой солнцеворот” – древнее обозначение зимы как волчьего сезона [Maas 1926: 259–270]; др.-перс. *Varkazana* “месяц людей-волков”, “октябрь–ноябрь” (*varka-* “волк” + *zana-* “человек”) [Kent 1950: 207]. Совпадение балто-славяно-германских обозначений волчьего сезона с иранским и греческим, по мнению В.В. Иванова, говорит не только об общиндоевропейском уровне обозначений, но и о столь же древнем характере зимних обрядов ряженья людей волками [Иванов 1975: 407]. Иногда в народных календарях “волчьим месяцем” называется февраль: эст. *hundi kuu* [Лунин 1853: 73; Wiedemann 1869: 462], баскск. *otsaila*; русск. *лютый*, польск. *luty* “февраль” [БПРС 1967: 381] (ср. *лютый*

мороз и лютый зверь, ассоциирующийся с волком). У закамских удмуртов сохраняется древнее название, связанное с зимним сезоном: *кион вузон дыр* “волчьего воя время” [Миннихметова 2000: 106]. В.С. Миллер обратил внимание на связь обозначений зимних месяцев с физиологическими явлениями в жизни волка [Миллер 1876: 144]. Дело в том, что в конце декабря у волков начинается период течки, который колеблется в зависимости от региона и приходится на январь–февраль (у молодых волков время течки наступает позднее, чем у зрелых) [Огнев 1931: 197]. В русском языке имеется образное выражение “на Святках волки женятся”, т.е. в период от Рождества до Крещения бывают только “волчьи свадьбы”, а у людей свадеб нет [Тульцева 2002: 283]. В.С. Миллер приводит следующую сербскую поговорку, связанную с волком: “Спрашивали волка: когда наибольшая зима? А он отвечал: когда солнце рождается, т.е. в декабре” [Миллер 1876: 144].

Годичная жизнь волка распадается на два приблизительно равных периода: на бродячую зимнюю жизнь, охватывающую позднюю осень, зиму и раннюю весну, и оседлую летнюю, связанную с появлением потомства и заботой о нем. Волчата рождаются обычно в мае (самое раннее – в середине апреля) [Огнев 1931: 194–202].

Биологическая жизнь волка находит отражение в народных поверьях. По представлению славян время разгула волков совпадает с разгулом нечистой силы и календарно продолжается приблизительно с конца октября, т.е. с наступления зимнего периода, до конца апреля – начала мая, т.е. до начала летней поры. У восточных славян считалось, что волки распушены и нападают на всякий скот с осеннего Юрия (26 ноября / 9 декабря) до весеннего Юрия (23 апреля / 6 мая), который “отмыкает” и “закрывает” им пасть. За начальную дату мог также приниматься конец октября (день св. Димитрия, 26.X.). С разгулом волков связаны так называемые “волчьи праздники”, календарно относящиеся к собственно периоду перехода к зиме и весне, а также солнцевороту; среди них выделялись ноябрьские (нередко до начала декабря), святочные и сретенские (начало февраля). Считалось, что волки наиболее опасны в эти дни, поэтому устанавливались различного рода запреты, направленные на защиту скота и человека. Период разгула волков завершался появлением волчьего потомства в апреле – мае, по поверьям восточных славян ко дню св. Юрия, который являлся покровителем волков, а также охранителем стад. Считалось также, что волк не делает вреда там, где выводятся волчата [Гура 1997: 132–143].

Волк – один из центральных персонажей народных поверий, сказок, легенд. В народном восприятии волк по своим чертам близок к другим хищникам, в том числе ворону, коршуну, кошачьим, собаке, медведю. Образы волка и медведя объединяет связь с нижним миром, медиативная функция, мужская символика (особенно в брачной тематике), признак “чужого”, обряды ряженья, взаимозаменяемость в сходных фольклорных текстах, лексические корреляции. У финно-угров и славян жених соотносится с образом волка (медведя), а невеста – рогатого копытного, основного предмета волчьей охоты. В болгарском сватовском приговоре невеста и жених представляются как волчонок и телушка: “У вас молодая телушка, а у нас молодой волчонок. Давайте запрежем их вместе в плуг, чтобы они вспахали ниву”. В белорусском свадебном фольклоре съеденная волком коза символизирует доставшуюся жениху невесту [Гура 1997: 125–127].

В народных воззрениях волк выступает как посредник между этим и тем светом, между людьми и Богом, выполняя, таким образом, медиативную функцию. В представлениях о волке как хищнике, задирающем и уносящем скотину, присутствует мотив жертвы, предназначенной Богу, по воле которого она совершается, и потому может сулить хозяину удачу. Это понимание иллюстрирует, напр., русская поговорка “Что у волка в зубах, то Егорий дал” [Гура 1997: 143–144].

В славянской фольклорной традиции среди свойств, определяющих волка, как персонажа, связанного с потусторонним миром, выделяются его хромота и сломанный хребет [Гура 1997: 158]. Хромым представляется бог преисподней в мифологиях разных народов мира, на что указывает А. Голан в работе “Миф и символ” [Голан 1994:

191]. Лексемы, определяющие др.-инд. Яму (др.-инд. *Yamá* “близнец”; иран. *Yima*), хозяина царства мертвых, указывают на его хромоту и некоторые волчьи черты: др.-инд. *vrkodara* “с волчьим брюхом”; *kālakunṭha* “хромой, калека на все времена” (“cripple throughout Time”) (по А. Вайману, на основании др.-инд. *kālā-* m. “время, судьба, смерть”, *kunṭha-* от корня *kunth-* “быть хромым, покалеченным, ослабленным”); *padbīśa* “путы” (foot-fetter), используемое также для описания хромоты лошади; *śīrnāṅghri* или *śīrnāpāda* “имеющий высохшие ноги” [Wayman 1959: 46–47; Monier-Williams 1956: 289; Turner 1966: 167; MacDonell 1897: 172]. Б. Тилак связывает образ др.-инд. Ямы с областью Ориона и Большого Пса [Tilak 1955]. Приведем для сравнения также чукот. *Rūltænnin* букв. “кривоспинник” (созвездие Орион) [Богораз 1937: 138]. В легендах некоторых индейских племен Орион представляется как одноногий или хромой персонаж, а одно из названий созвездия переводится как “небесный крюк”, подчеркивая хромоту мифологического образа, связанного с ним. Ср. по одному из вариантов мифа греческий Орион погиб от укуса Скорпиона в ногу или Скорпион откусил ногу Ориона [Szyjewski 1999: 257]. В венгерском языке Сириус называется *Sánta Kata* “хромая Ката”, *Sánta lány* “хромая девушка” (которая несет воду или обед Косарям, обозначающим созвездие Орион) [Mándoki 1958]. В связи с понятиями “слабости, хромоты” отметим, что у народов Памира (которые определяют время года по выбранным точкам на местности) Солнце считается совсем слабым (*веджунай* букв. “без души”), когда оно достигает точки зимнего солнцестояния, где задерживается дольше всего – на 7 дней [Рахимов 1957: 73–87].

В календарно-мифологическом и астрономическом плане зимний период сюжетно мог осмысливаться следующим образом: преследователь (зверь-хищник или человек-охотник) настигает свою добычу, которую убивают или ритуально приносят в жертву, при этом происходит символическое соединение противоположных образов, а обновленная жертва весной возрождается.

Данный мотив раскрывается в сибирских мифах о космической охоте на Лося. Момент преследования был одним из центральных в весенних обрядах таежных охотников. Во время зимнего солнцестояния у обских угров начинался медвежий праздник, который продолжался вплоть до весеннего равноденствия. Один из заключительных этапов мистерии посвящался охоте на лося. В праздничной пантомиме убитый охотниками космический зверь воскресал, а вместе с ним воскресала вся природа [Чернецов 1971: 58]. Мотив космической охоты был важным звеном в весенних обрядах оживления, которые совершали сымские эвенки. Разыгрывавшееся действие имитировало погоню за космическим лосем, его убийство и чудесное воскресение, которое, по представлениям эвенков, символизировало возрождение природы.

В русских святочных играх мотивы умирания и воскресения реализуются через ролевое участие персонажа, переодетого козой [Игры 1995: 38].

Архаичный сюжет встречи представителей противоположных “миров”, календарно приуроченный к зимнему периоду, раскрывается в святочных и масленичных обрядах ряженья у русских, где важными персонажами выступают медведь и коза – мужское божество нижнего мира и женское божество светлого мира. Так, “медвежий потехи” XIX в. содержали сцены знакомства медведя и козы и следовавшее за этим совместное веселье с плясками, запечатленное, в частности, на лубочных картинках [Майничева 2000: 96, 97; рис. 11]

К зимнему периоду относились древние обряды инициаций, важным элементом которых был символический ритуал умирания и возрождения. Так, осетины считали, что старую душу посвящаемого уносил волк *Удхæccæg* [Кочиев 1987: 65]. О глубокой связи иранских инициационных обрядов с волками свидетельствует также “месяц людей-волков” в древнеперсидском календаре – *Varkazana*, приходящийся на октябрь–ноябрь [Kent 1950: 206–207; Иванчик 1988: 43–44].

В календарях народов Сибири и Дальнего Востока выделяется значительная группа месяцев, имеющих “орлиные” и “вороньи” обозначения:

“Орлиные” месяцы

Уральские языки: ненец. *лимбя' ирий* “месяц орла” (когда Солнце поднимается над горизонтом, приблизительно январь) [Терещенко 1965: 147; ИЭС 1987: 127–128; Симченко и др. 1993: 244]; энец. *либи дири* “месяц орла, январь” [Сорокина, Болина 2001: 62]; сельк. (обск.) *лымбъкет иррет* “месяц орла, январь” [Кузнецова 1976: 49]; сельк. (южн.) *люмбикэ ирэт* “февраль”, “месяц, когда на орлиный шаг прибывает день” [Пелих 1972: 379]; ханг. (турухан.) *курк ики* “февраль”, “орлы прилетают” [Третьяков 1869: 290]; ханг. (казым.) *рох-нын-курных-тылис* “декабрь”, “обманчивый орлиный месяц” [Пелих 1972]; хант. (вахов.) *солонг ики* “месяц прилета орла”, “март” [Соколова 1988; Симченко и др. 1993: 246]; манс.(ляпинск.) *ретынг нюсвой* “ленивый орел” (один день летает, другой день – нет), “февраль” [Соколова 1966; Симченко и др. 1993: 245];

Тюркские языки Сибири: татары (чулымские) *күдзүгән ай* “месяц (прилета) орла”, “март” [Дульзон 1950: 61], (барабинские) *карға ай* “месяц орла”, “март” [Дульзон 1950: 61].

Тунгусо-маньчжурские языки: эвенк., негидальск. *гус* (*гусіқан* “орел”); ульч. *гуси бēні* “месяц орла, январь”, нанайск., самагирск. *гуси* “январь” [Петрова 1937: 88–91]. Как отмечает Т.И. Петрова, название месяца *гус*, *гуси*, распространенное на Амуре, негидальцы и ульчи объясняют как происходящее от слова *орел*, пролет которого в этом месяце отмечается, нанайцы и самагиры дают названию астрономическое толкование – “время, когда надо голову поднять (запрокинуть), чтобы увидеть Большую Медведицу” [Петрова 1937: 88–91, 101]. По материалам Ю.Б. Симченко, нанайцы низовьев р. Амур называют март *гусин* “орел” (прилет этой птицы) [Симченко и др. 1993: 214], у нанайцев верховьев р. Амур отмечено *гуси биа* “месяц орла” как обозначение декабря [Оненко 1980: 65]. По записям Ю.Б. Симченко, ульч. *гуси бени* “месяц орла; прилет орла” (февраль); ороцкий (р. Тумнин) *гуси* “орел” (февраль); орокский (о. Сахалин) *гуси бени* “месяц орла” (февраль) [Симченко и др. 1993: 216].

Палеоазиатские языки: Кетский *дивьин* “месяц орла” (прибл. апрель) [Алексеевко 1967: 38].

Нивхский (р. Амур и Западный Сахалин) *чам лонг* “месяц орла” (январь); (Средний Сахалин) *чам лёнг*, (Восточный Сахалин) *чам лонг* “месяц орла” (февраль) [Симченко и др. 1993: 252–253].

“Вороньи” месяцы

Уральские языки: древнекоми *рака* “вороний месяц, март”, удм. *куака толэзь* “месяц вороны”, “март” (русск. *вороний* как название марта считается возникшим под пермским влиянием) [Сидоров, Лыткин 1966: 123–124; Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980: 58], закамские удмурты *сьбд куака толэзь* “грачиный месяц” или *сьбд куакаос лыктон* “месяц прилета грачей” [Миннихметова 2000: 98]; хант. (вахов.) *урны ики* “апрель, вороний месяц” [Соколова 1988; Симченко и др. 1993: 246]; ненец. *варңэ' ирий* “месяц прилета ворон” (приблизительно апрель) [Терещенко 1965: 147]; ненец. (аганск.) *вал'ни тил'и* “вороний месяц”, “апрель” [Соколова, Пивнева 1993: 36–45].

Тюркские языки Сибири: татары (чулымские) *каргай* “месяц вороны (галки)”, “апрель” [Дульзон 1950: 61], (барабинские) *каргай* “месяц вороны”, “апрель” [Дульзон 1950: 61].

Тунгусо-маньчжурские языки: эвенк. *туран* “прилет ворон”, “март-апрель” [ЭС 1958: 402], *туран* “прилет ворон, апрель”; ульч. *тува бēні* “март (апрель), месяц прилета вороны (*тува*)”, ороцкий *туа* “месяц вороны” [Петрова 1937: 84–85]. По записям Ю.Б. Симченко, ульч. *тува бени* “прилет галки”, “март”; ороцкий *туа* “грач” или “галка”, “март”; орокский (о. Сахалин) *тува бени* “месяц ворона”, “март” [Симченко и др. 1993: 216].

Палеоазиатские языки: нивхский (р. Амур и Западный Сахалин) *кар лонг* “месяц вороны”, “февраль”; (Средний Сахалин) *кар лёнг*; (Восточный Сахалин) *кар лонг* “месяц вороны”, “март” [Симченко и др. 1993: 252–253].

Из приведенного материала видно, что чаще всего “вороний месяц” приходится на март–апрель, “орлиный”, предшествуя ему, соответствует январю–февралю.

По замечанию ряда исследователей, широкое распространение у народов Сибири и Дальнего Востока таких календарных названий, как “орлиный” и “вороний”, “заслуживает дополнительного изучения, поскольку это сходство, возможно, объясняется не только близостью природных условий проживания данных народов” [Симченко и др. 1993: 235]. В этом можно видеть “отражение чрезвычайно архаичной (возможно, общесибирской) традиции; очевидно, названия месяцев орла в целом ряде календарей имеют не только фенологический смысл, но и несут определенную мировоззренческую нагрузку” [Васильев, Головнев 1980: 39].

В фольклоре народов Евразии Орел и Ворон наделены чертами, роднящими их между собой, а также сближающими их по ряду признаков с хищными животными – медведем и волком. К числу характеристик, объединяющих Орла и Ворона с медведем и волком относятся связь с царством мертвых и медиативная функция, мужская символика (особенно в брачной тематике) [Мелетинский 1994а; 1994б].

Проанализировав фольклорный цикл сюжетов о Вороне, объединяющий народности северо-востока Азии и северо-запада Америки, Е.М. Мелетинский [Мелетинский 1981; 1994а: 247], приходит к выводу о том, что воронья мифология сложилась в Сибири в среде племен, которые впоследствии вошли, главным образом, в состав палеоазиатов чукотско-камчатской языковой семьи, а также на-денезычных протоиндейцев. Последние явились источником распространения вороньих сюжетов на Американском континенте, перейдя из Сибири, как полагают, ок. 10 тыс. лет назад. В архаичном круге сюжетов Ворон выступает как первопредок и культурный герой, первый шаман и трикстер, выполняет функцию медиатора между жизнью и смертью, небом и землей, верхом и низом, зимой и летом. Противопоставление Ворона водоплавающим и перелетным птицам раскрывается, в том числе, через матримониальные сюжеты в палеоазиатской и североамериканской мифологии (истории женитьбы Ворона на утке, гусыне) [Дзенискевич 1976: 82; Мелетинский 1981: 188], т.е. аналогично взаимоотношению между волком–медведем как женихом–охотником и рогатым копытным как невестой–добычей в фольклоре Евразии. Роль жениха в свадебном фольклоре отводится и орлу. Например у восточных славян сокол/орел выбирает свою суженую из числа водоплавающих птиц [Бернштам 1982: 30–32].

Орел – широко распространенный персонаж в мифологии разных народов. Для сибирского региона культ орла, также как и ворона, связывается с представлением о нем как о культурном герое и первом шамане. В статье, посвященной культу орла у сибирских народов, Л.Я. Штернберг [Штернберг 1936: 112] обращает внимание на естественные качества орла, которые легли в основу представлений о нем у примитивных народов. Так, совпадение прилета орла с приходом весны и отлета с наступлением осени давало повод считать его существом, вызывающим явления времен года. Действительно во многих народных традициях орел является вестником Солнца. Такое представление календарно согласуется с отнесенностью образа орла к поворотному периоду между зимой и весной, который, в сибирском регионе кроме “орлиного” обнаруживает обозначения, связанные с астрономическими наблюдениями: негидальск. *toyap beʒanin* “февраль”, время остановки (Солнца); *siwun toyawgigen* – солнце останавливается, назад идет, т.е. перестает уменьшаться расстояние между восходом и заходом солнца. Солнце начинает восходить к северо-востоку [Петрова 1937: 88, 99]. Энец. *дыра дири* “февраль” (месяц поворота солнца к весне) [Сорокина, Болина 2001: 39], ненец. *яра ирий* “месяц поворота солнца к оттепели” (прибл. февраль) [Терещенко 1965: 147, 850], нганас. *дылы-биерансие-китеда* “восхода Солнца (после полярной ночи) месяц”, совпадающий со второй половиной января – первой половиной февраля [Попов 1948: 16].

Для *ранней весны* традиционной являлась лыжная охота на лося–олени по насту. **Уральские языки:** Манс. (ляпинск.) *мань поль* “малый наст” (март), *яныг поль* “большой наст” (апрель) [Соколова 1966; Симченко и др. 1993: 245]; ненец. (енис.) *сава юну-*

лава иры “хорошей охоты (по насту) на дикого оленя месяц”; энец. (лесн.) *сойда дюнгулэ дири* “хорошей охоты на дикого оленя месяц” (март) [Васильев, Головнев 1980: 34]. **Тунгусо-маньчжурские языки:** эвенк. *овйн* “наст (весенний, последний); охота в период весеннего последнего наста на лося” [ТМС II: 4–5]. Нанайск. *хонгдан биани* “время наста” (март) [Симченко и др. 1993: 214], ульч. *хун бени* “месяц наледи” (апрель) [Симченко и др. 1993: 216]. **Палеоазиатские языки.** В кетском *қажетын* “месяц сохатого”, приблизительно соответствует марту. Кеты справляют особый весенний праздник, если успешно прошел период охоты на лосей–олений, который заканчивается в конце марта [Алексеев 1967: 38].

Поздняя весна – пора отела у лосей и оленей, что находит отражение в названиях данного периода. **Уральские языки:** У нганасан вторая половина апреля – первая половина мая называется *сюондяку-тодю-китеда* “первых телят время” [Симченко и др. 1993: 206], а период со второй половины мая до первой половины июня – *аныйа-тодю-китеда* “первых телят время” [Попов 1948: 16], *аника-тодю-китеда* “больших телят время или большого числа телят время” [Симченко и др. 1993: 204]. Ненецкий *ты’ саполана ирий* “месяц раннего отела оленей” (прибл. март), *ты’ сәпо* “лана ирий” “месяц отела оленей” (прибл. апрель, букв. “месяц, с которого олени телятся”), *сие ниць ирий*, “месяц ложного отела оленей” (прибл. апрель.), *ты’ ниць ирий* “месяц настоящего отела оленей” (прибл. май) [Терещенко 1965: 147, 316, 533, 558]; энцы (тундровые) *нади ирио* “первые телята рождаются” (апрель) [Васильев, Головнев 1980: 36].

Тунгусо-маньчжурские языки: эвенк. *suonkan ~ huonkan ~ honkan ~ soŋkan* (šoŋa “теленок”) “время, когда олени телятся, май” [Петрова 1937: 84–85]; эвенкийский *түүүžёк* “отел” (прибл. апрель) [Попова 1981: 60–62].

У чукчей весна понимается как время рождения телят: *groun, gron* “весна (собственно время рождения телят)”, также *gro-ēļǝn* “месяц рождения оленьих телят; с начала марта до начала апреля” (от глагола *gro, gьro, gьrórкьп* “рожает”) [Богораз 1937: 44; 63].

Русск. (диал.) *ярка* “молодая овца” этимологически связано с группой др.-русск. *яра* “весна”, *ярый* “весенний” (“солнечный”), русск. *яркий* от и.-е. базы *ǵero-: ǵōro- : ǵero- “год” (производно от и.-е. *ei- “идти”), к которой восходят названия молодых животных и птиц в некоторых и.-е. языках [IEW 1959: 293, 296, 297; Черных 1994, II: 471]. В зооморфном календаре древних коми период с конца апреля до начала июня представлен образом северного оленя [Конаков 1987].

Поздняя весна в северных районах связывалась также со вскрытием ото льда рек, с возвращением водоплавающих птиц: манс. (ляпин.) *янгк патнэ эпос* “лед уходит месяц”, “май” [Соколова 1966; Симченко и др. 1993: 245]; хант. (вахов.) *лонт вэск ики* “гуси-утки месяц” (прибл. май) [Соколова 1988; Симченко и др. 1993: 246]; ненец. *маңты ирий* “месяц гнездования птиц” (прибл. май) [Терещенко 1965: 147]; энец. *чида сама то дёди дири* “месяц прилета птиц”, “май” [Сорокина, Болина 2001: 26, 150, 164, 215].

Лето посвящалось рыбной ловле, охоте на водоплавающих птиц, выпасу скота на пастбищах. Основные хозяйственные занятия летнего периода отражены в календарных названиях месяцев следующим образом.

Уральские языки. Сельк. (южн.) *карба кула ирэт* “запоры рыбные ставить месяц”, “апрель–май”; *куэлайню ирэт* “рыба идет месяц”, “май” [Пелих 1972: 379]; манс. (ляпин.) *ойтур этпос* “луговых озер месяц” (ловить рыбу), “июль”; *вор тур* “лесные озера” (ловить рыбу), “август” [Соколова 1966; Симченко и др. 1993: 245]; хант. (вахов.) *енк тюй ики* “большой воды месяц” (июнь); *ай вэр ики* “малых запоров месяц” (июль); *элле вэр ики* “больших запоров месяц” (август) [Соколова 1988; Симченко и др. 1993: 246]; нганас. *колы-китеда* “рыбы месяц” (вторая половина июня – первая половина июля) [Попов 1948]; ненец. *саву’ ирий* “месяц разлива рек” (прибл. июнь) [Терещенко 1965: 147]; энец. *наарэ дири* “месяц разлива рек” (июнь) [Сорокина, Болина 2001: 205].

Тунгусо-маньчжурские языки. Эвенский период, включающий июнь – июль, может иметь названия: *явчъ'к* “пора ночной пастьбы оленей с дымокурами”, *блрб'-мāчақ* “время рыбалки”, *жӯўжāк* “летовка”, т.е. летняя длительная стоянка [Попова 1981: 60–62].

Палеоазиатские языки. Кет. *курвол'* “нереста щуки” (прибл. июнь) [Алексеевко 1967: 38; Симченко и др. 1993: 246].

Уральские языки. В нганасанском вторая половина июля – первая половина августа именуется как *депту-китеда* “(линьки) гусей месяц” [Попов 1948: 16] или *дептасакичеда* “линьных птиц время” [Симченко и др. 1993: 205], а период со второй половины августа до первой половины сентября – *конинемы-китеда* “(линьки) гусиных птенцов время” [Попов 1948: 16] или *конинямы-китеда* “гусиных матерей время” [Симченко и др. 1993: 205]. Ненец. (енис.) *хохорэй иры* “месяц лебеда”, “август” [Васильев, Головнев 1980: 35]; энец. *дедю' дири* “месяц лебедей”, “август” [Сорокина, Болина 2001: 26, 150, 164, 215]; энец. (тундров.) *кану ирио* “птенцов месяц”, “август” [Васильев, Головнев 1980: 35]. Как подметили В.И. Васильев и А.В. Головнев, в обозначении летних месяцев проявляется древняя традиция обобщения – называть период охоты на линную птицу месяцем лебеда, подобно тому, как осеннее время охоты на диких копытных – месяцем лося [Васильев, Головнев 1980: 36].

Палеоазиатские языки: кет. *кубэнэ* “линьки уток месяц”, *ул'бэнэ* “линьки водяных уток месяц” (прибл. июль) [Алексеевко 1967: 38; Симченко и др. 1993: 246].

В промысловом календаре древних коми летнее солнцестояние приходится приблизительно на месяц Горностая (03.06.–04.07.) [Конаков 1987]. В урало-славянской (шире индоевропейской) фольклорной традиции горностаев, как и другие пушные звери, объединяясь с перелетными и водоплавающими птицами, сближаются с образом рогатых копытных по ряду основных признаков: женская символика, проявляющаяся, в том числе, в брачной тематике, отнесенность к верхнему уровню мироздания, связь с обозначением высшего божества. В уральских языках лексемы со значением “горностаев” и “молодая женщина, невеста, девушка” восходят к единому истоку. Так, венг. *menyét* “ласка” (зверек из рода горностаевых) считается производным от *teny* “девушка, невеста, молодая женщина” [манс. *miñ*, хант. *теñ*, фин. *miniä*, саам. *mânje* “невеста, молодая женщина”, коми *тоñ* ‘сноха, невестка’, удм. *теñ: iči-теñ* “сноха (жена младшего брата)”. Венг. *hölgy* “дама, невеста, жена, белый горностаев” (*hölgyemenyét* “белый горностаев”) родственно манс. *kaj* “самка”, хант. *kōjəp* “самка (соболя, лисицы)” [MNYTESz II: 155–6; 893–4]. В славянских поверьях и фольклоре ласка и горностаев отождествляются с птицей на основании их внешнего сходства в окраске (сочетание темного и светлого (белого) цвета), быстроты движения, семантических характеристик (женская символика, в частности, символ невесты, брачный мотив, функция покровителя дома и скота). По О.Н. Трубачеву, русские слова *ласка* и *ласточка* являются этимологически родственными, восходя к славянским вариантам основ **lask-*, **last-*; до сих пор в русских говорах сохраняются значения: *ласка* “птица ласточка”, *ласточка* “зверек ласка”; иногда *лаской* называется “водяная курица” – птица с черным оперением и белой шишкой на лбу, польск. (диал.) *taska* – некая птица (разновидность диких уток?), черная с белой отметиной [Гура 1997: 231, 245–249]. Образ утки восходит к древнейшим индоевропейским представлениям о творении мира из водного Хаоса богом-демиургом в облике водоплавающей птицы. (Аналогичные мотивы присутствуют в мифологии уральцев и индейцев Северной Америки [Напольских 1990а; 1990б].) В ненецком космогоническом мифе горностаев, выступая в качестве демиурга, посылает гагару достать из воды крупичу земли, из которой затем вырастает суша [Хомич 1976: 17–18]. На лексическом уровне семантика образов рогатых копытных, водоплавающих птиц и зверей семейства куньих (куда относятся горностаев и ласка) объединена в индоевропейском корне **el-*, **ol-*, **l-* (с разными оформлениями *-m-*, *-n-*, *ḱ-*), имеющем реализацию по языкам: напр., др.-инд. *rśa-*, *rśya-* m. “самец антилопы”; русск. *олень*, *лось*, *лань*, диал. *алынья* “корова”, англ. *elk*, нем. *Elch* “лось” и др.; лат. *olor* (**elōr*) “ле-

бедь”, др.-северн. *alka* “Alka torda, пингвин”; вероятно, обозначение нем. *Itlis* “хорек” [IEW 1959: 302–304; Черных 1994, I: 466, 492, 596–597].

Индоевропейские праосновы для обозначения хищных и жертвенных животных, реализуясь по диалектам, в ареале тех и других обнаруживают совпадения, коррелирующие с единой символикой образов животных и схожими чертами их биологической жизни.

Хищники: И.-е. **k̑un-*, **k̑un-* “волк” → собака” (греч. *κύων*, авест. *span-/sūn-* м., др.-инд. *śvān-* м. “собака”; др.-инд. *śvaka-* “волк”, др.-перс. *saka-* “собака” < индо-иран. **śua-ka-*; др.-ирл. *cú* “собака, волк”) [IEW 1959: 632–633; AiW 1961: 1584; 1610–12; Иванов 1964: 458–460; 1975: 399].

Лексемы со значением “волк” реконструируются от и.-е. **uel-* “раздирать, ранить, убивать” и **ueid-* “знать, ведать” (→ **ueid-n(o)-* “вещий волк”). С и.-е. **uel-* связано обозначение потустороннего мира как “пастбища, луга”, где пасутся души (скота и людей) и “бога мертвых”. К и.-е. **uel-* восходят и.-е. **ul̥k̑-* “волк” и **ul̥p-* в обозначении хищника песей породы (волка, собаки, лисы), а также в наименовании кошачьих: литовск. *vilpišys* “дикая кошка”; н.-перс. *gurba* “домашняя кошка” (< иран. **urpa-*) [IEW 1959: 1144–45, 1178–9; AiW 1961: 1418–9, 1532; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 492, 823–4]. В славянских народных поверьях образы волка и медведя могут объединяться с образом кошачьего. Русск. (диал.) *кошка* – “печь”, которая ассоциируется с медведем, а также считается границей или входом в иной мир в славянском и пермском фольклоре [МК 1999: 267–271, 291–292].

Слова со значением “оборотень” в славянских языках трактуются как композиты “волк-медведь” (по В.В. Иванову, В.Н. Топорову), объединяющие обоих хищников в едином лексико-семантическом образе: русск. *вурдолак*; болг. *vŭkolak* (< **ul̥k-* “волк” + **dlakŭ* “шерсть”; балт. **tłōk-*, слав. **dlāk-* – древнее и.-е. обозначение медведя) [Иванов, Топоров 1963: 139; Иванов 1975: 406]. Медведь уступает по ритуальной значимости волку, символизируя в основном плодородие природы. Для его обозначения реконструируется и.-е. **r̥k̑p-o-s* (**r̥k̑-s-o-s* / **r̥k̑-t-o-s* [IEW 1959: 875] или **Hr̥t^(h)/k̑^(h)* “медведь” [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 497].

В круг хищников отнесем и выдру, которая в представлениях древних индоевропейцев ассоциировалась с собакой: и.-е. **udro-* < **udor-*, **uedor-* “вода” [IEW 1959: 78–79; AiW 1961: 387, 1611].

Из перечисленных и.-е. корней, входящих в обозначение хищных животных, считаются заимствованными в ф.у. языки из индоиран. диалектов: 1) индоиран. *(*u*)*rpa-* “лиса” > ф.у. **repä*; 2) индоиран. *(*u*)*r̥kas* “волк” > ф.у. **werkas*; 3) общеиран. или скиф.-сарм. **udra-* ~ **urda* “выдра” > общеперм. **vurd* [Лушникова 1990: 252–253, № 136, 288–289, № 197, 269–270, № 165; КЭСЯ 1970: 70, 246; Joki 1973: 308–309, 342–343, 347].

Синкретизм в обозначении медведя, волка и собаки наблюдается в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *сивигэ/хивигэ* “волк” ~ *сивижэ/суян* “медведь”, при эвенск. *həvje/həvja* “медведь”, ороч. *сйви* миф. “кличка собаки” [ТМС II: 75].

Медведь и волк – своего рода антиподы по выбору места обитания. Медведь – житель лесотаежной зоны, волк, напротив, избегает больших лесов. Среди просторов Сибирской тайги волков крайне мало. Отмечается зависимость распространения волка от объекта его охоты – дикой козы, оленя (северная граница распространения волка в Сибири совпадает с таковой северного оленя). Медведь избирателен в своей охоте на копытных, основной объект его нападений – лось. Северный олень в добыче медведя весьма редок. Нападения совершаются преимущественно весной по насту, затрудняющему передвижения лосей, но не препятствующему бегу медведя. Второй пик охотничьей активности медведя наблюдается осенью [Огнев 1931: 41, 185–194; Вайсфельд, Честин 1993: 28, 29].

Таким образом, естественное противопоставление хищника и его добычи в природе находит отражение в зооморфно кодированной архаичной модели мира, построенной

на бинарной оппозиции. Для лесотаежной зоны полярность выражалась через противопоставление лось-медведь, для равнинной (степной, тундровой) – через противопоставление олень-волк.

Жертва-добыча. Этимологическое тождество выявляют обозначения копытных, имеющих единую символику в традиционном мировоззрении, схожие характеристики биологической жизни и одинаковое применение в хозяйстве. Примером может служить реализация по языкам и.-е. **k̑er-* “рог, верхушка, голова” (в обозначении оленя, дикой козы, коровы, быка, барана) [IEW 1959: 574–577]; **agh-* “беременная (о животных)” [IEW 1959: 6–7; AiW 1961: 228]; *(*s*)*teuro-* “крупный рогатый скот”, “вьючное рабочее животное” **g^hou-* “крупный рогатый скот” (первоначально без различия “бык” ~ “корова”, с последующим развитием значения “самка крупного рогатого скота”, “корова” ввиду параллельного существования лексем для обозначения “самца крупного рогатого скота” и.-е. **uk^hs-en-* и **uer-en-/ur-en-*) [IEW 1959: 482–483; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 565–567]; и.-е. **el-*, **ol-*, **el-* “красный коричневый” в названии рогатых копытных (русск. *олень*, *лось*, *лань*, диал. *альня* “корова”, англ. *elk* и т.д.), деревьев, а также водоплавающих птиц (в частности, “лебедя”) [IEW 1959: 302–304]. Также восстанавливаются и.-е. **ǵǵ-* [IEW 1959: 6–7], и.-е. *(*s*)*k̑ago-/*(s)k̑ogo-* “козел, коза” [IEW 1959: 517; и.-е. **ek̑uo-s* “лошадь” [IEW 1959: 301] (по С.А. Старостину, заимствование из прасевернокавказского [Старостин 1988: 114–115, 152–154]).

Из перечисленных и.-е. основ для обозначения копытных следующие считаются воспринятыми в ф.у. языки из (индо)иранских диалектов: 1) индоир. *śruwaśarwa* (< и.-е. *k̑elor-*, *k̑ru-*) “рог” > ф.у. *śorwaśarwa* (в т.ч. венг. *szarv* “рог”, *szarvas* “олень”, букв. “рогатый”); 2) вероятно, из диалектов-предков арийского **uarsā* (N.sg.) (< и.-е. **uers-en-*) > ф.у. **warsa* “жеребенок”; 3) инд.-ир. (общейр.) **ukšā* (N.sg.) (< и.-е. **uk^hsen*) > ф.у. (ф.-перм.) *uška* “бык, вол”; 4) арийск. **cāgā* “коза” (< и.-е. *(*s*)*k̑ago-*, *(*s*)*k̑ogo-*) > ф.у. *čaka* (~ *čaga*) “коза” [Лушникова 1990: 260, № 148, 278, № 180, 270, № 166, 195, № 44; Joki 1973: 311, 334, 337–338].

Факт заимствования финно-угорскими племенами названий домашних животных (бык, коза, жеребенок) объясняется как результат (индо)иранского влияния в области хозяйственной жизни. Заимствование наименований таких диких животных, как лисы, волка, оленя, следует, видимо, связывать, прежде всего, с взаимодействием в области духовной культуры, с участием в сложении единой системы мировоззрения в зоне контакта.

В лексике обнаруживаются сближения и совпадения в обозначении хищника – медведя, волка и его добычи-жертвы – лося, оленя, лошади, которые следует трактовать с точки зрения семантической реконструкции: др.-инд. *ȓkṣa-* “медведь” (< и.-е. **ȓk̑-s-o-s*) ~ др.-инд. *uksā* м. “бык” (< и.-е. **uk^hsen*); иран. **ȓsa-* “медведь” (перс. *hirs*, осет. *ars*); др.-инд. **ȓśa-* (< и.-е. **ȓk̑o-*) ~ др.-инд. *ȓśa-*, *ȓśya-* м. “самец антилопы” (< и.-е. **l̑k̑-*); коми *ošk* [основа *ošk-*] “медведь” (перм. **ošk-*) ~ коми *ešk* [основа *ešk-*] (удм. *ošk* “бык”, перм. **ošk*, заимствовано из индоиран. **ukšā*) [КЭСКИЯ 1970: 209, 213]; и.-е. **ul̑k̑-* “волк” ~ и.-е. **el-/el-* (с формантом *-k-/k̑-*) “рогатое копытное животное”; индоиран. **śua-(ka-)* (< и.-е. **k̑un̑-(ko-)*) “песьей породы” > авест. *spa-ka* “песьей породы”; др.-инд. *śva-ka-* “волк” ~ индоиран. **aśua-* (< и.-е. **ek̑uo-s* “лошадь”) > др.-инд. *áśva-*, авест. *aspa-*. Ср. предложенную Э.А. Грантовским двойную трактовку имени скифского вождя *Ишпака* от *spaka-* “собака” и *aspaka-* “конник”.

Полагают, что слова, обозначающие собаку в славянских языках, восходят к тому периоду, когда собака была приручена человеком и была частью домашнего скота, а также жертвенным животным: слав. *рьс* “пес” (русск. *нёс*, польск. *pies* и т.д.) < и.-е. **reki-* “домашний скот”, “домашнее животное” (от и.-е. **reĕ-* “привязывать, приручать”) в отличие от “дикого зверя” [Черных 1994 II: 25]. Данные раскопок поселений, относящихся к мезолитической культуре веретье (Восточное Прионежье), свидетельствуют о том, что важную роль в жизни людей играла собака, сравнительно недавно прирученная и сохранившая черты, характерные для волка. Древнее население могло

использовать собак на охоте, для охраны поселений, в жертвенных ритуалах, а также употреблять их в пищу [ИКВ 1992: 11].

Уральские, алтайские, тунгусо-маньчжурские языки: эвенк. *гиркō* “одинокий олень-самец” (= “бродяга”), (баргуз.) *гиркō* “медведь-шатун”, (енис.) *гирку* “поиски лосем важенки перед спариванием” (от *гиран-* “шагнуть”) [ТМС I: 154]; якут. *ulū kyl* “лось (или медведь)”, букв. “крупный зверь” [Аникин 2000: 569]; манс. *sus* “лось, дикий зверь, медведь”. Лексические совпадения объясняются, в том числе, сходством в поведении животных, их одинаково крупным размером.

Таким образом, приходим к следующим выводам. 1. Соотношение структурных элементов древней картины мира, раскрывается в промысловых календарях народов Евразии путем противопоставления основных сезонов – зимы и лета, как маркеров нижнего и верхнего уровней мироздания. “Зимний” период (соответствующий южному отрезку годового пути Солнца по эклиптике), начинавшийся приблизительно после осеннего равноденствия и заканчивающийся после весеннего равноденствия, приблизительно в конце апреля – мае (конец так называемого “волчьего сезона”), был связан с образами хищных животных (медведя, волка, собаки, кошачьих) и хищных птиц (ворона, орла), что коррелирует с их биологическими ритмами. В фольклорной традиции хищные животные и хищные птицы наделялись мужской символикой, выполняли медиативную функцию, соотносились с нижним миром – миром смерти и смертности. “Летний” период ассоциировался с рогатым копытным (оленом, лосем и т.д.) или с функционально подобными образами (лошадью, перелетными и водоплавающими птицами, горностаем и т.д.), которые имели женскую персонификацию, были связаны с верхней частью модели Вселенной – областью бессмертия, воплощенного в высшем, небесном божестве.

2. Члены бинарной оппозиции описываются фонетически соотносимыми корнями. Так, для тунгусо-маньчжурских языков названия основных сезонов – зимы и лета имеют разницу только в начальном звуке: эвенк. (баргуз.) *tugoni* ~ *zugoni*, негид. *tuḡani* ~ *ziḡani*, ульч. *tuə* ~ *zia*, маньч. *тувори* ~ *чжувори* [Петрова 1937: 105]. В ареале индоевропейских диалектов и языков Сибири обнаруживаются сближения и совпадения в обозначении хищника (медведя, волка) и его добычи – копытных (лось, олень, лошадь), оппозиция которых раскрывает противостояние основных сезонов – зимы и лета. Черты синкретизма в образном и лексическом отображении зооморфных членов оппозиции объясняются схожими сезонными проявлениями биологической жизни животных, общим ареалом их распространения, совместным участием в архаичных календарно-мифологических сюжетах и ритуально-обрядовых действиях.

3. Оппозиция зооморфных персонажей различается по ареалам: для лесотаежной зоны она представлена парой “медведь–лось”, для равнинной (степной, тундровой) – парой “волк–олень”. Оппозиция “медведь–лось”, выраженная сближающимися лексемами, прослеживается, очевидно, в кетском *kaɟ* “лось” ~ *koɟ* “медведь”. В и.-е. ареале зооморфно выраженная бинарная оппозиция модели Вселенной маркировалась соотносимыми корнями и.-е. **ul-/*k-* “волк” (< и.-е. **uel-* “умирать, убивать”) ~ и.-е. **el-/*l-* (с формантом *-k-/*k-*) “лось-олень”, которые обозначают хищника-охотника и его жертву-добычу, способную к возрождению. И.-е. **uel-* “умирать” (содержащийся в основе со значением хищника), по словам В.Н. Топорова, в отличие от и.-е. **mer-* и **dheu-*, представляющих смерть–умирание как “исчезновение”, «реализует противоположный принцип понимания умирания и смерти – не “опустошение”, но наполнение и овладение...».

4. Сопоставление урало-сибирской и индоиранской календарных систем выявляет схожесть символического и лексического обозначения интервалов времени, а также звезд и созвездий, соотносимых с годовым движением Солнца по небосводу, что указывает не только на общие черты, обусловленные смежностью территорий проживания в далеком прошлом, но и на определенный универсальный характер древних мировоззренческих представлений народов северного полушария. Между урало-сибир-

ской и индоиранской календарными системами обнаруживается схожий символизм восприятия созвездий Ориона и Большого Пса, связанный с образами хищника, жертвователя и его жертвы, шаманов и мудрецов, выполняющих роль посредников между людьми и богами, с мотивом смерти и зарождения смертного человечества, начала и конца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1995 – *В.И. Абаев*. Исправления и дополнения // В.И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М., 1995.
- Алексеев 1967 – *Е.А. Алексеев*. Кеты. Л., 1967.
- Алексеев 1976 – *Е.А. Алексеев*. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
- Аникин 2000 – *А.Е. Аникин*. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.
- Анучин 1914 – *В.И. Анучин*. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. 2. Вып. II. 1914.
- Бернштам 1982 – *Т.А. Бернштам*. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1.
- Богораз 1937 – *В.Г. Богораз*. Луораветланско-русский (Чукотско-русский) словарь. М.; Л., 1937.
- БПРС 1967 – *Д. Гессен, Р. Стыпул*. Большой польско-русский словарь. М.; Варшава, 1967.
- Вайнштейн 1961 – *С.И. Вайнштейн*. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961.
- Вайсфельд, Честин 1993 – *М.А. Вайсфельд, И.Е. Честин*. Медведи. Размещение запасов, экология, использование и охрана. Новосибирск, 1993.
- Василевич 1936 – *Г.М. Василевич*. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгузскому) фольклору. Л., 1936.
- Васильев, Головнев 1980 – *В.И. Васильев, А.В. Головнев*. Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов северо-западной Сибири // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980.
- Вербицкий 1884 – *В.И. Вербицкий*. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- Винокурова 1988 – *И.Ю. Винокурова*. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (Конец XIX – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов*. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I, II. Тбилиси, 1984.
- Голан 1994 – *А. Голан*. Миф и символ. Иерусалим; Москва, 1994.
- Гура 1997 – *А.В. Гура*. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль – *В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1981; Т. II. СПб.; М., 1881; Т. IV. М., 1995.
- Дзенискевич 1976 – *Г.И. Дзенискевич*. Сказание о Вороне у атапасков Аляски // Советская этнография. 1976. № 1.
- Дульзон 1950 – *А.П. Дульзон*. Система счета времени у чулымских татар // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. X. 1950.
- Иванов 1964 – *Вяч.Вс. Иванов*. Происхождение имени Кухулина // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л., 1964.
- Иванов 1974 – *В.В. Иванов*. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva- "конь" (жертвоприношение коня и дерево aśvattha в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
- Иванов 1975 – *В.В. Иванов*. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 34. № 5.
- Иванов, Топоров 1963 – *В.В. Иванов, В.Н. Топоров*. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963). М., 1963.
- Иванчик 1988 – *А.И. Иванчик*. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. 1988. № 5.
- Игры 1995 – Игры: энциклопедический сборник. Челябинск, 1995.
- ИЭЗС 1987 – Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.

- ИКВ 1992 – Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992.
- Календарные обычаи 1973 – Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973.
- Календарные обычаи 1977 – Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977.
- Календарные обычаи 1983 – Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.
- Катанов 1897 – *Н.Ф. Катанов*. Сагайские названия 13 месяцев года // Известия общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. 1897. Т. XIV. Вып. 2.
- Конаков 1987 – *Н.Д. Конаков*. Древнекоми промысловый календарь: Стиль календаря // Науч. докл. Коми филиал АН СССР. Сыктывкар, 1987.
- Конаков 1990а – *Н.Д. Конаков*. Календарная символика уральского язычества (бинарный зоморфный код) // “Научные доклады”. Коми научный центр УрО АН СССР. Вып. 243. Сыктывкар, 1990.
- Конаков 1990б – *Н.Д. Конаков*. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
- Конаков 1996 – *Н.Д. Конаков*. Традиционное мировоззрение народов коми: пространство и время. Сыктывкар, 1996.
- Кочергина 1978 – *В.А. Кочергина*. Санскритско-русский словарь. М., 1978.
- Кочиев 1987 – *К.К. Кочиев*. Тутьыр – владыка волков // Известия Юго-Осетинского НИИ АН ГССР. 1987. Вып. XXXI.
- Крейнович 1973 – *Е.А. Крейнович*. Нивхгу. М., 1973.
- Кривошапкин 1865 – *М.Р. Кривошапкин*. Енисейский округ и его жизнь // Записки Русского Географического общества. СПб., 1865.
- Кузнецова 1976 – *А.И. Кузнецова*. Календарные названия в самодийских языках // Языки и топонимия. Томск, 1976.
- Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 – *А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкина*. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.
- Кузнецова 1957 – *Н.Г. Кузнецова*. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник. II. Л., 1957.
- Кузьмина 1977 – *А.И. Кузьмина*. К этимологиям названий месяцев, сторон света, звезд и созвездий в селькупском языке // Языки и топонимия. Вып. 4. Томск, 1977.
- КЭСЯ 1970 – *В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев*. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Ларькин 1964 – *В.Г. Ларькин*. Орочи. М., 1964.
- Леонтович 1896 – *С. Леонтович*. Краткий русско-ороченский словарь. Владивосток, 1896.
- Лунин 1853 – *И. Лунин*. Эстонско-русский словарь. Дерпт, 1853.
- Лушникава 1990 – *А.В. Лушникава*. Стратификация ирано-уральских языковых контактов. Дис. ... канд. филол. наук (рукопись). М., 1990.
- Лушникава 2001 – *А.В. Лушникава*. Белый горностаи // Исследования по иранской филологии. МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, кафедра иранской филологии. Вып. 3. М., 2001.
- Лушникава 2003 – *А.В. Лушникава*. Urša Majog: от Лося до Медведя // Историко-астрономические исследования. Вып. XXVIII. М., 2003.
- Мазин 1986 – *А.И. Мазин*. Календарь и цикл хозяйственного года эвенков Верхнего Приамурья (кон. XIX – нач. XX в.) // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986.
- Майничева 2000 – *А.Ю. Майничева*. Образ медведя в русском прикладном искусстве // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.
- Майский 1934 – *Л. Майский*. Исчисление полевого периода сельскохозяйственных работ у горцев Памира и Верхнего Ванча // СЭ. 1934. № 4.
- Макаренко 1913 – *А.А. Макаренко*. Сибирский календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913.
- Мелетинский 1981 – *Е.М. Мелетинский*. Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981.
- Мелетинский 1994а – *Е.М. Мелетинский*. Ворон // Мифы народов мира. Т. I. М., 1994.
- Мелетинский 1994б – *Е.М. Мелетинский*. Один // Мифы народов мира. Т. II. М., 1994.

- Меновщиков 1954 – *Г.А. Меновщиков*. Эскимосско-русский словарь. М., 1954.
- Миллер 1876 – *Вс. Миллер*. Значение собаки в мифологических верованиях // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 6. Вып. 3. 1876.
- Миннихметова 2000 – *Т.Г. Миннихметова*. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000.
- МК 1999 – Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми. Москва; Сыктывкар, 1999.
- Напольских 1990а – *В.В. Напольских*. Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // Советская этнография. 1990. № 1.
- Напольских 1990б – *В.В. Напольских*. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мироззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.
- Отнев 1931 – *С.И. Отнев*. Звери Восточной Европы и Северной Азии. Т. 2. Хищные млекопитающие. М.; Л., 1931.
- Оненко 1980 – *С.Н. Оненко*. Нанайско-русский словарь. М., 1980.
- Орлова 1966 – *Е.П. Орлова*. Календари народов Сибири и Дальнего Востока // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.
- Островский 1888 – *Д.Н. Островский*. Лопари и их предания. Б/м., 1888.
- Пелих 1972 – *Г.И. Пелих*. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Петрова 1937 – *Т.И. Петрова*. Временисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей // Сб. Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). М.; Л., 1937.
- Попов 1944 – *А.А. Попов*. Енисейские ненцы (юраки) // Изв. ВГО. Т. 26. 1944. Вып. 2–3.
- Попов 1948 – *А.А. Попов*. Нганасаны. М.; Л., 1948.
- Попова 1981 – *У.Г. Попова*. Эвены Магаданской области. М., 1981.
- Рахимов 1957 – *М.Р. Рахимов*. Исчисление времени у таджиков бассейна реки Хингоу в XIX – начале XX в. (В связи с народным земледельческим календарем) // Советская этнография. 1957. № 2.
- Рубцова 1971 – *Е.С. Рубцова*. Эскимосско-русский словарь. М., 1971.
- Рыбаков 1988 – *Б.А. Рыбаков*. Язычество Древней Руси. М., 1988.
- РЭС 1948 – *Г.М. Василевич*. Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь. М., 1948.
- Савельева, Таксами 1970 – *В.Н. Савельева, Ч.М. Таксами*. Нивхско-русский словарь. М., 1970.
- Сидоров, Лыткин 1966 – *А.С. Сидоров, В.И. Лыткин*. Древнекоми названия месяцев // Советское финно-угроведение. Таллин. 1966. № 2.
- Симченко 1976 – *Ю.Б. Симченко*. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976.
- Симченко и др. 1993 – *Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк, З.П. Соколова*. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
- Славнин 1972 – *Д.П. Славнин*. Вечный календарь ламутов (эвенов) // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972.
- Смоляк 1989 – *А.В. Смоляк*. Традиционные календари народов Нижнего Амура и Сахалина // Новое в этнографии (Полевые исследования Института этнографии АН СССР). Вып. 1. М., 1989.
- Соколова 1979 – *В.К. Соколова*. Весеннее-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX – начало XX в.). М., 1979.
- Соколова 1966 – *З.П. Соколова*. Полевые материалы 1966 г. // Архив Института этнологии и антропологии (АИЭА), фонд Северной экспедиции. 1966.
- Соколова 1988 – *З.П. Соколова*. Полевые материалы 1988 г. // Архив Института этнологии и антропологии (АИЭА), фонд Северной экспедиции. 1988.
- Соколова, Пивнева 1993 – *З.П. Соколова, Е.А. Пивнева*. Аганские ненцы (Антропонимия, хозяйственный цикл и календарь) // Полевые исследования. Т. 1. Вып. 2. М., 1993.
- Сорокина, Болина 2001 – *И.П. Сорокина, Д.С. Болина*. Словарь энецко-русский и русско-энецкий. СПб., 2001.
- Старостин 1988 – *С.А. Старостин*. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Терещенко 1965 – *Н.М. Терещенко*. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Титов 1926 – *Е.И. Титов*. Тунгусо-русский словарь. Иркутск, 1926.
- ГМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. I; 1977. Т. II.
- Топоров 1990 – *В.Н. Топоров*. Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Топоров 1994а – *В.Н. Топоров*. Дакша // Мифы народов мира. М., 1994, Т. 1.

- Топоров 1994б – В.Н. Топоров. Праджапати // Мифы народов мира. М., 1994. Т. II.
- Третьяков 1869 – П. Третьяков. Туруханский край // Записки РГО по общей географии. 1869. Т. 11.
- Тульцева 2002 – Л.А. Тульцева. Народные названия Млечного пути в среднерусской полосе России // *Астрономия древних обществ. Материалы конференции “Астрономия древних цивилизаций” Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединенного Европейского и Национального астрономического съезда (JENAM)*. Москва, 23–27 мая, 2000 г. М., 2002.
- Фролов 2002 – Б.А. Фролов. Число в архаической космологии // *Астрономия древних обществ. Материалы конференции “Астрономия древних цивилизаций” Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединенного Европейского и Национального астрономического съезда (JENAM)*. Москва, 23–27 мая, 2000 г. М., 2002.
- Хомич 1976 – Л.В. Хомич. Представления ненцев о природе и человеке // *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера*. Л., 1976.
- Чернецов 1971 – В.Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала // *Свод археологических источников*. Ч. 2. М., 1971.
- Черных 1994 – П.Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I, II, М., 1994.
- Шаповалова 1973 – Г.Г. Шаповалова. Севернорусская легенда об олене // *Фольклор и этнография русского Севера*. Л., 1973.
- Шренк 1855 – А. Шренк. Путешествие к северо-востоку европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам. СПб., 1855.
- Шренк 1903 – Л.И. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. III. СПб., 1903.
- Штернберг 1936 – Л.Я. Штернберг. Культ орла у сибирских народов (Этюд по сравнительному фольклору) // *Первобытная религия в свете этнографии*. М., 1936.
- ЭСР 1958 – Г.М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- ЭСТЯ 1985 – *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские основы и межтюркские основы на ж, ж', й*. М., 1985.
- Abayev 1970 – V.I. Abayev. The names of the months in Ossetic // W.B. Henning Memorial Volume. London, 1970.
- AiW 1961 – Chr. Bartholomae. Altiranische Wörterbuch. Berlin, 1961.
- Fletcher, La Flesche 1972 – A.C. Fletcher, La Flesche. The Omaha Tribe (Reprint of 1911 Bureau of American Ethnography Annual Report 27. 1905–1906). Lincoln, NE: Univ. of Nebraska, 1972.
- Grimm 1913 – J. Grimm, W. Grimm. Deutsches Wörterbuch. Bd. 14. Abt. 2. 1913.
- IEW 1959 – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959. V. I.
- Joki 1973 – A. Joki. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.
- Kent 1950 – R.G. Kent. Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, Connecticut. 1950.
- Maas 1926 – E. Maas. Winter und Sommer // *Indogermanische Forschungen*. Bd. XLIII. 1926.
- MacDonell 1897 – A.A. MacDonell. Vedic Mythology. Strassburg, 1897.
- Mándoki 1958 – L. Mándoki. Az Orion csillagkép a magyarságnál // *Néprajzi Értesítő*. V. 40. 1958.
- MNyTESz – Magyar Nyelv Történeti Etimológiai Szótára. Budapest, Köt. I (1967), II (1970), III (1976).
- Monier-Williams 1956 – M. Monier-Williams. Sanskrit-English dictionary. Oxford, 1956.
- UEW – K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986. Lief. 1.
- Steinitz 1966 – W. Steinitz. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprachen. Bd. I. 1966.
- Szyjewski 1999 – A. Szyjewski. The soteriological context of Orion and Sirius mythology in tribal traditions // *Actes de la Vème Conférence Annuelle de la SEAC*. Gdańsk, 1997; Warszawa; Gdańsk, 1999.
- Tilak 1955 – L.B.G. Tilak. The Orion or Researches into the Antiquity of the Vedas. 4th ed. Bombay, 1955.
- Turner 1966 – R.L. Turner. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London, 1966.
- Wayman 1959 – A. Wayman. Studies in Yama and Mara, I // *Indo-Iranian journal*. 1959. V. III. № 1.
- Wiedemann 1869 – F.J. Wiedemann. Ehstnisch-Deutsches Wörterbuch. St.Petersburg, 1869.